

Все возможные если...

Автор:

Ольга Мицкевич

Все возможные если...

Ольга Мицкевич

Я согласилась, когда Макс предложил мне уехать. Да и почему бы не согласиться, ведь мы все продумали – он отдает себя учебе в Нидерландах, а я увижу сказочный остров Крит, пускай и по работе. Это станет незабываемым приключением, сказала я себе, началом нового витка судьбы.

Так и вышло – я нашла друзей, открыла для себя мир и поняла, чем хочу заниматься в жизни. Да вот только любовь потеряла. Хрупкое чувство не выдержало испытания расстоянием и временем.

Вернувшись домой под Рождество, полгода спустя, мы встречаемся вновь, но теперь уже у каждого из нас другая, несвязанная друг с другом жизнь.

Сможет ли новая встреча все изменить? Сумеем ли мы вернуть утраченное и построить общее будущее? Или же перемены, изменившие нас за это время, слишком глубокие и сильные, и дороги назад больше нет?

Ольга Мицкевич

Все возможные если...

ПРОЛОГ

Это было хорошее решение. Верное.

Вот она я – не спавшая, голая, с тонким кольцом на пальце.

Оно жжет меня.

За спиной встает солнце. Холодные, зимние лучи заглядывают в окна, крадутся по половицам, скользят вдоль крепкого тела. Его сон завораживает – грудь мерно вздымается, на скулах тень щетины, левая рука безвольно лежит на пустой подушке рядом. Так красиво. Умей я рисовать, написала бы его пастелью – теплыми тонами, нежными мазками.

Я люблю его руки, помню их, как свои. Мое тело – карта, а они путешественники. В его руках спокойно, сладко. Они греют, берегут, защищают: теплые ладони, широкие запястья, безымянный палец без кольца.

Я не удержалась. Пожалуй, часть меня всегда знала, что именно так у нас все и завершится.

Это было хорошее решение, верное. И все же я ошиблась.

Вот она я – чужая жена, его неверная.

1.

Три часа утра. Над нами звёздное небо бриллиантовым покрывалом. Воздух тяжелый, жаркий. Мы в темноте остановки, скрытые ветвями старой ивы. До прибытия междугороднего автобуса еще пятнадцать минут.

У нас еще пятнадцать минут.

– Не хочу, чтоб ты уезжала, – шепчет он у моего лица. Его губы так близко, что мы делим одно дыхание на двоих. Мне будет этого не хватать.

– Макс... – мы уже все решили. Миллион раз.

– Знаю, знаю, – будто прочтя мои мысли отзывается он. Потом прижимает ближе и целует: медленно, томно. – Просто... Просто у меня чувство, что мы прощаемся.

– Это только шесть месяцев, – мягко возражаю я. Нам надо проститься, как он не понимает? Нежно беру его лицо в свои ладони и заглядываю в глаза. – Мы это обсуждали, помнишь? Гаагский университет, Макс! Ты так упорно учился, чтобы получить стипендию. Найдешь квартиру, работу, освоишься. А потом, в декабре, мы все решим, – даже в темноте я вижу как он хмурится, чувствую кончиками пальцев. – Макс, это же твоя мечта. Не отказывайся от нее так легко.

– Пол года, – жестко произносит он, словно я возражаю. – Послушай, то, о чем мы говорили... Ты все еще уверена?

Я знаю, он ждет что я откажусь. Не смотря на то, что изначально идея принадлежит ему. И я хотела бы отказаться, правда. Но будет нечестно привязать его к себе обещанием, которое он, возможно, не сможет сдержать. Нам всего восемнадцать – ему восемнадцать и он парень. Мы вместе три года, с выпускного в девятом классе. Шесть месяцев разлуки – это целая маленькая жизнь. Макс заслужил право на свободу, даже если сам он думает иначе. Мы оба заслужили, пусть в глубине души я не верю, что нам это надо.

– Да, уверена.

Темноту пререзает свет фар. Наше время вышло.

– Я люблю тебя, слышишь? – в его голосе отчаянье.

Я целую его в последний раз – яростно, – и, подхватив рюкзак, поднимаюсь в автобус. Я обещала себе не плакать. Это не конец, а начало приключений.

Салон автобуса залит светом и в первый момент меня ослепляет, отчего взгляд плывет. Пассажиров почти нет и я сажусь у темного зеркала окна, скрывшем от

меня и Макса, и привычную панораму нашего городка. Закрываю глаза и приказываю сердцу не биться так часто, так громко. Это не конец, повторяю я.

Мне очень надо самой в это поверить.

На Макса я заглядывалась давно – темноволосый, высокий, всегда серьезный. Уже в седьмом классе книги его интересовали гораздо больше мультиков и компьютерных игр. Он был первым в классе по химии, физике и математике, но клеймо «ботана» его так и не настигло. Макс оказался из тех ребят, что охотно помогали с домашними работами и давали списывать на контрольных. Он никогда не задавался, умел шутить и, пусть никогда не был центром компании, всегда был ее душой. Ребята к нему тянулись. А я так была просто очарована.

До девятого класса я страдала молча, погребенная под горой из многотомных «а что если..» и подростковых комплексов. А потом, на выпускном в основной школе, я наблюдала, как Лена, наша одноклассница, томно улыбаясь, пытается тесней придвинуться к нему на узкой лавке и пристроить свои, затянутые красным атласом бедра, чуть ли не на коленях у смущенного парня. Тогда я сказала себе – сейчас или никогда. Да гори оно все, он стоит риска опозорится перед всем 9А!

Когда я наклонилась и прошептала, что не прочь потанцевать, я почти не слышала собственного голоса, так сильно у меня колотилось сердце. И он согласился. До обидного поспешно, если вы спросите Лену.

Не помню какая играла мелодия. Не помню, играла ли музыка вообще, но мы танцевали. Его руки сдержанно лежала на моей талии, мои – на его плечах. В ушах шумело и я так нервничала, что не могла поднять на него взгляд. А потом Макс нагнулся и прошептал:

– Спасибо, что спасла меня. Хотя, я уже почти решил сам тебя пригласить.

Так у нас все и началось. То первое лето: бесконечное, напоенное ароматом робких поцелуев и жадных, неловких касаний, – самое сладкое в моей жизни, самое яркое, – незаметно превратилось в три счастливых года. С Максом я забыла обо всех запретах и девчачьих страхах. С ним я ощущала себя любимой.

Когда Макс учился в восьмом классе, его тетя вышла замуж за голландца и переехала в страну тюльпанов и ветряков – Нидерланды. Летом, перед выпускным классом, она прилетела с визитом и рассказала одаренному племяннику о программе для студентов и возможностях поступления. Когда он осознал, что может поступить в Гаагский университет прикладных наук, и даже претендовать на стипендию, в нем словно вспыхнул огонь. Европейское образование, большие перспективы. Нам, двум подросткам и Кулдиги, Нидерланды казались волшебной страной из будущего, городом на Марсе, дерзкой мечтой. Переговорив с родителями, Макс поставил себе цель – факультет технологий и инноваций, – и весь выпускной класс упорно к ней шел, не без помощи тетки. Точные науки всегда влекли его. А, по натуре, он упертый, как никто.

Месяц назад, еще до момента, когда стали известны результаты школьных экзаменов, он получил письмо (у него так дрожали пальцы, что он порезался, вскрывая конверт), подтверждающее его зачисление и частичную стипендию. Мы двое сидели на лавке в березовой роще за зданием школы, и его радость передалась мне, как электрический заряд по звеньям цепи. Чувство ликования упоительно, оно наполняет вены и ударяет в голову. Первыми вспыхнули его глаза, потом Макс издал сдавленный смешок и посмотрел на меня огромными, сияющими глазами.

– Получилось... – выдохнул, прижимаясь своим лбом к моему.

Той ночью он не мог уснуть, поэтому позвонил в три утра, разбудив. Сказал, что ему придется уехать уже в конце июня (найти квартиру и работу, подтянуть английский), так что нам нужен план.

А я... ну, я девушка без плана. В отличие от Макса я училась средне и понятия не имела чему могут послужить мои скромные умения в жизни. Не то, чтобы высшее образование меня совсем не привлекало – я просто старалась думать практично. Ограниченность в средствах делает людей очень практичными, так что я понимала, что моя мама не сможет позволить себе образование «на авось», дабы бесполезный экономический диплом потом пылился на полке, а я, в итоге, работала продавцом или секретарем. Мама так и сказала – для работы за прилавком хватит и двенадцати классов. Так что либо определись, либо не трать свое время и мои деньги.

Наверное, в полных семьях иначе. Наверное, в полных семьях дети могут позволить себе выбрать университет по душе и умениям, а родители финансово поддержат. Мне это знать не дано. Папа умер, едва мне исполнилось два года, и с тех пор всегда были только я и мама. Отца я совсем не помню. Для меня он всю жизнь ассоциировался с маминым потухшим взглядом и запахом выделанной кожи, который щекочет ноздри, стоит открыть вторую половину скрипучего шкафа в маминей спальне. Вещи отца лежат аккуратными стопками – холодные и мертвые, годами не видевшие дневного света. Никакого другого мужчины в маминей жизни не было и быть не могло, хотя мне всегда казалось, что она тоскует не столько по мужу, сколько по всему тому, что он олицетворял в ее жизни – опору, достаток, теплые объятия и сильное плечо. Родители поженились рано, мама была совсем девчонкой. И когда папы не стало, она немного... потерялась, что ли.

В сухом остатке, у меня было вполне счастливое детство. Я чувствовала себя любимой и искренне радовалась шапке ручной вязки и пакету конфет на Новогодние праздники. И мне казалось вполне естественным устроиться летом на работу в пятнадцать лет. Как я уже говорила, жизнь сделал меня вполне практичной.

Именно по этой причине, мечты и возможности Макса меня восхищали, но сама я старалась особо не строить планов после выпуска. Мое будущее маячило размытой точкой на залитом дождем окне – далеким и неясным. Но, пускай я не имела представления чем же хочу заниматься, я точно знала чем не хочу. Моя мама работала продавцом, всю свою жизнь. Мамин труд я ценю, и знаю как, порой, тяжело ей приходится, но я лучше буду работать дрессировщиком диких животных, чем взвешивать колбасу.

Но Макс, он умеет строить планы и, что более важно, находить способы для их исполнения. Так что объявление нашел он: прибалтийская компания по подбору персонала предлагала вакансии для сезонных работников в отелях по всей южной Европе. Я не возражала, и, заполнив заявку, успешно прошла собеседование и получила распределение в Грецию, на остров Крит. Контракт заканчивается в октябре, с окончанием туристического сезона, а первый семестр Макса – в декабре. Тогда будет ясно, получил ли он полную стипендию. А у меня будет время вернуться домой, побыть с мамой, и после Рождественских праздников я уже буду знать, какой станет моя жизнь дальше.

Мы все продумали, все обговорили. Мой самолет сегодня, Макс же улетает завтра. Я рада, что это не мне пришлось его провожать. Пол года...

Две недели назад, лежа на покрывале на заднем дворе моего дома, Макс предложил мне взять перерыв на эти шесть месяцев.

- В смысле? - первой моей реакцией, естественно, были злость и недоумение. - Что ты надумал?

- Эй, я ничего не надумал! Просто... ну мало ли. Я не хочу думать, что ты сидишь рыдающая над телефоном, потому что там моя фотка в Инстаграме с однокурсницей или коллегой, где-нибудь в баре. И сам не хочу все время терроризировать тебя гневными вопросами что это за парень на заднем фоне ржет.

- Нам это не надо.

Он сел, устало потер шею и заглянул мне в глаза.

- Нам не надо вранья, которое все погубит из-за глупости. Ты знаешь, что я прав.

Тогда я ничего ему не ответила. Уже позже, вечером, в привычной тишине своей комнаты, окруженная плюшевыми медведями и старыми плакатами музыкальных групп, я вдруг поняла, что Макс прав. Жизнь огромная, а мы в самом ее начале. Хотелось бы знать наверняка, что мы с ним - это навечно. Но мы не знаем. Так что я отправила ему сообщение, написав, что согласна.

Как я уже сказала, у нас есть план.

2.

Остров - словно яркая картинка на открытке. Величественные изгибы гор на фоне лазурного, бескрайнего неба. Зеленые островки оливковых деревьев и можжевельника на серо-коричневом фоне. Выбеленные дома с голубыми ставнями. На море густые, зеленые волны с белыми шапками пены. Воздух

терпкий, соленый – не надыхаться.

Я стою в лобби величественного Bella Casa – четыре звезды, искрящийся голубизной бассейн, крытая веранда в тени апельсиновых деревьев. Поток воздуха из кондиционеров щекочет кожу. На стенах морские пейзажи акварелью, сочная зелень незнакомых растений в кадках из оливкового дерева, пестрая мозаика под ногами. Полдень. Внутри отеля прохладно и тихо, и я на миг замираю, охваченная неожиданным благоговением перед этим волшебным, непохожим ни на что, виденное мною прежде, местом. Восемнадцатилетняя, в легком платье и красных кедах, с волосами волнами по спине. Я наэлектризована тревогой и ожиданием чуда, как в детстве, а за окном цветет жасмином июнь. Плечо оттягивает битком набитый рюкзак. Я готова к самым захватывающим приключениям, какие только смогут меня найти.

– Ты такая красивая...

Тихий голос разрезает тишину, и я невольно вздрагиваю, обернувшись. Со стороны бара ко мне, мягко ступая в теннисных туфлях, приближается высокий, жилистый парень в форменной футболке с эмблемой отеля. Светлые волосы, красивая линия плеч и глаза цвета моря – завораживающие.

Я молчу, и тогда он повторяет сказанное на английском. Мне слышится необычный акцент – гласные звучат певуче, чуть длиннее. Чем то напоминает выговор липпайчан, но не то.

– Я тебя с первого раза поняла, – он расцветает улыбкой и от этого весь его облик преображается. На загорелом лице искрами загораются глаза и я зачарованно улыбаюсь в ответ. Это плохо. – Спасибо?

Никогда не умела принимать комплименты.

– Я Кристерт, или просто Крис. Ты новенькая? – киваю, – Круто! Бар, анимация или горничные?

– Последнее. – Я указываю на висящий у парня на шее фотоаппарат. – Работа или хобби?

– Страсть! – Он кивком указывает в сторону стеклянных дверей в дальнем конце лобби. – Я бармен.

Я киваю и отвожу взгляд, осматривая лобби. Меня же должны встречать, так?

– А ты откуда?

– Кулдига, – быстро отвечаю я, но заметив его растерянный взгляд, поясняю. – Это город на западе Латвии. Самый широкий водопад в Европе, может слышал? Вентас румба[1 - Ventas rumba – самый большой водопад в Балтии и самый широкий в Европе – шириной 249 м и высотой до 2,5 м. Находится в городе Кулдыга, на реке Вента. Через реку проложен арочный мост, построенный еще в 1874 году – памятник архитектуры и визитная карточка города.].

Крис кивает, переступает с ноги на ногу и делает осторожный шаг в мою сторону. Он протягивает руку и, мгновение поколебавшись, я легонько сжимаю его ладонь.

– А я из Таллина, – объясняет акцент. Он окидывает взглядом мой рюкзак. – Знаешь где администрация? Тебя проводить?

– Ну... – я еще раз оглядываю лобби. Никого. – Почему бы и нет?

Жизнь – словно коробка шоколадных конфет. Надо брать по одной за раз, не торопясь разворачивать фантик и осторожно класть на язык. Порой, попадаются особенно сладкие.

Первая неделя пролетает ярморочною каруселью. Меня селят в комнату с еще двумя девочками: застенчивой Лерой и волейболисткой Настей.

Лера маленькая, приятно-округлая во всех правильных местах, и всегда заплетает волосы в косы, что делает ее пухлое личико совсем детским. Она помогает в баре по выходным, и с уборкой номеров в рабочие дни.

Настя высокая, стройная и грациозная той естественной, непосредственной легкостью, которую невозможно приобрести – с ней рождаются. В Риге она состоит в секции женского волейбола и имеет разряд по плаванию, так что тут

Настя отвечает за спортивную часть анимации и подменяет дежурных у бассейна.

Обе девочки старше меня, хоть и не намного, и обе работают не первый сезон. Они помогают мне освоиться, ведь, порой, я чувствую себя выброшенной на сушу рыбой. Еще неделю назад я была ни разу не работавшей школьницей, а уже сегодня попала в пугающий мир взрослых, со всеми его обязанностями и ответственностями. Сказать что я нервничаю – ничего не сказать.

С рабочими обязанностями проблем не возникло. Номера небольшие и уютные, обстановка минимальная. Старшая горничная попрекает меня излишним старанием, но я от природы аккуратна и дотошна, так что ничего не могу с собой поделать. Уборка всегда успокаивала меня, словно медитация – чистота в доме, чистота в мыслях. На один номер отводится всего 20 минут, что для моего внутреннего педанта прямо-таки критический минимум, так что я тороплюсь, как могу. Одно могу сказать точно – впредь принимать душ в гостиницах я намерена исключительно в сланцах!

Обедаем мы в разное время, так что с девочками я вижу только под вечер, в нашей комнате. Они оказались приятными и легкими в общении, и заставили меня вспомнить, все то, что мне так нравилось когда-то в женской дружбе.

Моя единственная подруга, Лиза, тем летом, когда все у нас с Максом только начиналось, переехала в столицу, и отношения с ней сами собой сошли на нет. Так бывает, когда тебе пятнадцать, а в голове клубится розовый туман первой любви. После Лизы подругами я так и не обзавелась, потому, что прежде чем мне удалось стать собой, я стала девушкой Макса. Все наши друзья – изначально были его друзьями. Я не думала об этом до Леры и Насти. Они только мои. Они знают меня, а не нас.

Иногда, мне беспокоит от собственных мыслей. Прежде ничего подобного мне и в голову не приходило. Возможно, виной всему этот остров и связанные с ним впечатления. Это мое первое путешествие – самостоятельное, взрослое. Раньше я дальше столицы не выбиралась, и то в исключительных случаях. Как оказалось, у свободы пряный вкус, он одурманивает.

3.

Когда я думаю о своей жизни на острове, она мне видится яркой россыпью конфетти. Каждый новый день соткан и множества крошечных мелочей, переполняющих меня восторгом. Я бережно складываю их в коробку памяти, одно за одним, словно фантики «Love is...»[2 - Турецкая жевательная резинка с вкладышами про любовь. Была популярна в России и СНГ в 1990-х года.], столь дорогие моему сердцу в детстве.

Любовь, это соленые волны, жаркое солнце и смех подруг. Громкий, залиvistый Настин и переливчатый Лерин, когда мы трое, в ярких купальниках, исследуем близлежащие пляжи: ныряем, кормим рыб или просто загораем, вытянувшись на белых полотенцах с голубой каймой.

Любовь, это домашнее вино в разномастных стаканах из пластиковой тары – с нижней полки супермаркета, самое дешевое и самое лучшее, по заверениям местных.

Любовь, это критская кухня – баранина на костре, фаршированные помидоры и скользкие оливки, липкие финики и сыр Фета в масле с пряностями. Тихий ужин с друзьями под бесконечным, бирюзовым небом.

Любовь, это когда обгораешь на солнце, и Настя целую неделю смазывает красную, воспаленную кожу гелем из алоэ, очень нежно.

Любовь, это когда Крису достаются большие – просто огромные, – чаевые, и он зовет нас троих в кино на открытом воздухе, где мы весь сеанс жуем попкорн и неприлично громко разговариваем, потому что фильм на греческом, и мы ни слова не понимаем.

Любовь, это когда слышишь от гостей спасибо, и вдруг понимаешь, что каждый день делаешь что-то нужное, полезное. И делаешь это хорошо. Волшебное чувство, его не передать словами.

Любовь, это когда окружают улыбки. Когда каждое утро в баре ждет чашка кофе в с корицей, заваренный именно так, как надо. Как я люблю. Когда отсылаешь маме часть первой зарплаты, а она потом звонит, отнекивается, а у

самой глаза блестят и, словно, улыбаются. Это ловля рачков с Крисом на закате и поездка в местную больницу, когда Лера наступает на морского ежа, потому что нам пришло в голову искупаться при лунном свете. Это долгие звонки домой: мамино лицо на фоне кухонных обоев, тихий голос. Это восторг, когда менеджер предлагает место администратора на пол ставки, так как они вдруг поняли, что не справляются с наплывом русскоговорящих гостей. Острое желание ответить согласием, и ужас, страх не справиться.

Любовь, это когда Макс почти не звонит, и, поэтому, каждая минута разговора – как глоток воздуха.

Макс... В реальности все оказалось сложнее, чем мы предполагали. Почти сразу по приезду он нашел работу и очень быстро выяснилось, что его график совсем не совпадает с моим, так что нам приходится довольствоваться сообщениями и редкими звонками. Видеть его, такого родного и далекого, горько и сладко одновременно. Но не видеть его совсем – во сто крат больше.

Любовь – это стальные нити, связывающие души влюбленных.

4.

За линией света, в чернильной тьме, шумит море. Ветер треплет прозрачный сатин и он лентами вьется вдоль белых столбов террасы, лаская их. Воздух несет запах костров, сухой травы с гор и соли. На календаре середина июля, пряная летняя ночь. Завтра выходной, так что сегодня мы зажигаем костры на песке и славим языческих богов вина и моря.

На тесной площадке ритмично двигаются несколько десятков человек. Среди толпы я – размытый силуэт в легком платье. Капли пота скользят по спине, волосы липнут к шее и лопаткам. Музыка грохочет, отдаваясь в ушах и груди.

Рядом со мной Настя в цветных бликах мигающих огней. Она неотразима в простом хлопковом платье – длинные ноги, изящные руки. Я немного влюблена в ее движения, такие непринужденные, плавные.

Лера осталась за столиком. Ей неловко в толпе, среди вечеринки, в коротком узком платье. И все же она с нами, хмельная и румяная, хихикает и прячет лицо за бокалом вина. Сегодня я люблю их обеих, таких разных и неповторимых. Удивительно непохожих.

Ночь короткая, мы пьяные.

Какой-то парень – серая футболка, кеды, выбеленные солнцем волосы и красивая улыбка, – подсаживается к Лере, наклоняется к ней и что-то говорит. Она оглядывает его широко распахнутыми глазами и несмело улыбается.

Мои руки подняты к небу, ритм музыки – это ритм моего сердца: быстрый, хлесткий.

Парень кладет руку Лере на колено. Легко, почти небрежно, словно случайно. Сквозь липкую завесу волос я вижу как Лера вздрагивает, отпрянув, тянет вниз подол. Робкая улыбка гаснет и она вся словно становится меньше, тоньше.

Я останавливаюсь, смотрю сквозь людской поток на белый диван: Лера с бледным лицом что-то отвечает, мотает головой. Внезапно, она выглядит очень хрупкой в ярком свете мерцающих огней. Парень улыбается, жестом зовет ее на танцпол. Он выглядит приветливым и совершенно безобидным.

Давай, думаю я. Просто расслабься.

Но Лера мнется, теребя в руках бокал, и парень уступает. Встает и уходит. Я ловлю ее взгляд, выразительно поднимая брови. Почему? Лера только качает головой. Все в порядке, говорит она одними губами, но я не верю.

Завтра. Я поговорю с ней завтра. А сейчас мне надо воды и воздуха.

Машу Насте, указывая в сторону бара. Пробираюсь сквозь толпу, проверяя телефон. Макс не отвечает на мои сообщения уже почти пять дней и я не могу избавиться от гнусного, свербящего чувства в затылке. Ничего. Пустой экран и мое отражение в нем. Глаза огромные, губы влажные.

– Воды. Без газа, – кричу я бармену и жду, пока он выполнит заказ. Скольжу взглядом вдоль стойки и вижу Криса. Он поднимает руку в приветствии и я машу ему в ответ, улыбаясь. Во мне поют и искрят три бокал вина, поэтому сегодня все кругом кажутся достойными моей улыбки.

– Ты такая красивая, – раздается над ухом и я оборачиваюсь на знакомый голос. Тень от бейсболки скрывает его глаза, на губах легкая ухмылка. Я чувствую щекотку в животе и отвожу взгляд.

В присутствии Криса я немного робею. Совсем чуть-чуть, так что я никогда не признаю этого вслух. Он соткан из дерзких улыбок и жарких обещаний, я уже встречала таких парней. С таким, как Крис, очень легко не уберечь собственное сердце. Хорошо, что мое уже занято.

Облокотившись на стойку, он салюует мне полупустой бутылкой пива и лениво откидывается на локти. Так близко, что я чувствую его тепло на своей коже. Смотрит на меня сверху вниз и я чуть отстраняюсь. Не сразу, но все же.

– Ты повторяешься. Не будь банальным, – я резковата, но мы оба знаем, что это шутка, – тебе не идет.

Кристерт флиртует со мной с первого дня, и я очень стараюсь не воспринимать это всерьез. Он красив той необычной, грубоватой красотой, которая не оставит равнодушной ни одну девушку. Так что его внимание мне льстит, глупо было бы отпираться. Но я занята – мы это очень быстро прояснили. В его распоряжении только мое плохое чувство юмора.

За этот месяц мы провели вместе много времени и, вроде как, подружались. С Крисом на удивление легко: он приветлив, умеет пошутить и способен поддержать беседу на любую тему. Как оказалось, Крис, как и Лера, много читает, так что теперь они постоянно обмениваются книгами и мнениями о прочитанном. Еще Крис единственный среди нас, у кого есть права, так что ему выпала нелегкая доля возить нашу шумную, девичью компанию по пляжам и достопримечательностям острова. Раз в неделю мы берем на прокат машину, загружаем ее полотенцами, кремом от загара, сменной обувью, закусками и водой, и на весь день отправляемся исследовать окрестности. Это хорошие дни, я особенно люблю их.

Кто-то толкает меня в спину, совсем легонько, но я теряю равновесие на высоких каблуках и почти плюхаюсь носом о стойку. В последний момент Крис успевает подхватить меня под руку.

Великолепно, думаю я. Сама грациозность.

Все еще сжимая мое предплечье, Крис выпрямляется и чуть толкает стоящего рядом парня в плечо.

– Нельзя осторожнее? – злым, незнакомым голосом произносит он и я удивленно замираю.

Крис улыбчивый, порой дурашливый и шумный, очень живой. Но злой – никогда. До этого момента я вообще не верила, что в нем это есть – темная, грубая сторона, свойственная большинству парней.

– Извини, – недоуменно бормочет парень, переводя взгляд с меня на мрачную фигуру Криса, – я не хотел, правда.

Чувствуя, как чуть дрожат его пальцы на моей коже, я вглядываюсь в скрытое тенью лицо. Обычно мягкие губы сжаты в жесткую, прямую линию, тонкая жилка на шее отчаянно бьется. Наконец, Крис отпускает мою руку и отворачивается обратно к бару, делает большой глоток и морщится. В мою сторону смотреть избегает.

Бармен протягивает воду, я забираю бутылку и медлю. Мне не спокойно от этого его взгляда, такого... потерянного. Что-то определенно не так.

– Прости, – Крис снимает бейсболку и проводит ладонью по лицу, а затем и по волосам, в тщетной попытке стереть события последних минут. Голос глухой, слова тягучие. – Что-то я перегнул.

Он улыбается, но я ему не верю. Смотрю на темные круги под его глазами и на неожиданную морщинку, прорезавшую высокий лоб. Такой его вид – напряженный, нервный – столь же необычен, как снег в июле.

– Давай уйдем, – неожиданно говорю я. – Тут шумно, не поговорить. А ты похож на человека, которому есть о чем поговорить. – Крис молчит, растягивая время, и я, вдруг, чувствую неловкость. – Если хочешь, конечно...

– Хочу. Давай уйдем.

Он берет мою руку и ведет через толпу. Я смотрю на свои тонкие пальцы в его широкой ладони. Прикосновения мягкое, будто знакомое, и мне вдруг начинает казаться, что это плохая затея.

5.

В полной тишине мы медленно бредем по темному пляжу. Песок под ногами приятно холодит кожу, ветер на берегу бьет в спину и путает волосы. Платье вьется по ногам, и мне приходится его придерживать. Запах соли тут сильнее, тьма гуще. Над нами бриллиантовая россыпь звезд и бледная тень луны.

Крис садится на песок и я следую за ним. Моя рука еще хранит тепло его ладони и я тру ее, будто она зудит. Время идет, а Крис все смотрит на темную морскую гладь невидящим взглядом, и молчит.

– Ты в порядке? – наконец, спрашиваю я.

Кристерт кивает. В кронах пальм за спиной шепчет ветер.

– Слышал, тебе предложили новую должность. согласишься?

– Это то, о чем ты хочешь поговорить? Моя работа?

Он пожимает плечами, вроде как соглашаясь, но я все равно медлю. На самом деле у меня нет ответа, но я покорно начинаю разъяснять причины своих сомнений. Времени на раздумья осталось не так много. Я говорю, Крис кивает, но совершенно очевидно, что он не слышит ни слова. Его взгляд по прежнему устремлен в ночь, в то место, где темное море встречается с темным небом. Наконец, сдавшись, я замолкаю и какое-то время между нами только шелест

ветра.

– Я не хочу лезть тебе в душу. Ты вообще не обязан мне что-то рассказывать, ведь мы едва знакомы, – я нахожу в темноте его плечо и легонько сжимаю его, просто чтобы показать, что я рядом. – Но я выслушаю тебя, если ты хочешь. И возможно, тебе станет легче.

Крис тяжело вздыхает и безвольно опускает голову. Горько усмехается и этот звук, такой резкий в мягкой тишине летней ночи, тревожно вибрирует между нами.

– Просто расскажи, – мягко настаиваю я.

– Это так странно... – голос у него глухой, незнакомый. – Я не помнил весь год, а сегодня посмотрел на календарь и...

У Кристера был брат двумя годами младше – Арвис. Его имя он произносит таким голосом, что у меня мороз по коже.

– Он всегда торопился жить. Словно знал... – Крис говорит так тихо, что я придвигаюсь ближе, боясь не услышать. – Прошлой весной, он сдал на права и купил мотоцикл. Такой довольный был! Мама вся извелась, ворчала на него без передышки. И не зря...

Год назад, в этот самый день, Арвис погиб в нелепом происшествии на дороге: остановился помочь женщине с заменой колеса. Ехавший по трассе водитель грузовика не заметил предупредительного аварийного знака и на предельной скорости сбил парня, пока тот возился с домкратом. Протащил его чуть не километр по раскаленному асфальту, пока сообразил, но тогда было уже поздно.

– Я не помню похорон, совсем. Наверное, так боялся что навечно запомню брата бледным и холодным, словно кусок пластика, что память просто стерла тот проклятый день.

Крис резко проводит ладонью по лицу и сцепляет пальцы в замок на затылке. Рассказывает, как за пол года их отец из румяного весельчака, с коллекцией анекдотов на все случаи жизни, превратился в седого чужака, облаченного в

линялым спортивный костюм. Как сам Крис лежал ночью, прислушиваясь к шаркающим шагам на кухне и приглушенным всхлипам. Как поблекло, посерело мамино лицо. Как все развалилось, расклеилось и он сбежал, едва представилась возможность. И как это мучает его – то, что он бросил родителей справляться без него.

Выговорившись, он замолкает.

На востоке теплеет тонкой полосой рассвет. Я смотрю на Криса в туманном свете крадущегося утра. Мы двое – лишь темные фигуры на холодном песке. Он кажется совсем другим сейчас – растерянным и подавленным, но, в тоже время, более реальным. Не беспечный шутник с ленивой улыбкой. Этот Крис уязвим, словно, открытая рана, и я хочу прикоснуться к нему, как-то утешить. Но в горле стоит тугой ком и мне нечего сказать. Ветер путается в волосах, глаза жжет.

– Ты пугаешь меня, – вдруг говорит он.

– Почему? – спрашиваю я, а сама думаю что и он меня пугает, чертовски сильно. Настолько, что, порой, в его присутствии мои ладони делаются влажными и липкими, а дыхание перехватывает.

– Потому, что могу рассказать тебе то, в чем мне страшно признаться даже самому себе. С тобой легко говорить. С тобой хорошо...

Он опускает на меня взгляд и воздух между нами меняется, по коже искрами бежит электричество. Крис склоняет голову, придвигается ближе. Сейчас его глаза темные, с золотыми бликами. Они манят, словно таинственные огни эльфов в тумане над топями, зовут сладкой песнью. Дыхание у меня перехватывает, колени делаются слабыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ventas rumba – самый большой водопад в Балтии и самый широкий в Европе – шириной 249 м и высотой до 2,5 м. Находится в городе Кулдыга, на реке Вента. Через реку проложен арочный мост, построенный еще в 1874 году – памятник архитектуры и визитная карточка города.

2

Турецкая жевательная резинка с вкладышами про любовь. Была популярна в России и СНГ в 1990-х года.

Купить: https://tellnovel.com/mickevich_ol-ga/vse-vozmozhnye-esli

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)